

ЯВЛЕНИЕ ТАРОНИМИИ В СВЕТЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье явление таронимии рассматривается с психолингвистических позиций, что позволяет связать его с процессами поиска и извлечения информации из внутреннего лексикона носителя языка, прояснить его суть, а также определить круг таронимов – единиц, которые устойчиво смешиваются в речи.

Ключевые слова: заменяемость лексических единиц, ошибочная взаимозамена, таронимия, механизмы речемыслительной деятельности.

In the article the author deals with the phenomenon of taronymia from the viewpoint of psycholinguistics, i. e. basing on processes of information search and extraction from the native speaker lexicon. Such an approach allows not only to clear up the essence of the phenomenon but also identify a range of taronyms, units which are frequently confused in speech.

Keywords: interchangeability of lexical units, wrong interchangeability, taronymia, mechanisms of verbo-mental activity.

Термин *тароним* был введен В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной в монографии «Русские агнонимы» [1997] для обозначения одного из новых типов единиц лексической системы. Таковыми, по их мнению, «являются, во-первых, фреймовые (ассоциативно-ситуативные) поля, во-вторых, таронимы и, в-третьих, агнонимы» [Там же. С. 86]. Авторы подчеркивают, что названные ими антропоцентрические единицы «отражают не объективное соотношение слов в языке и речи, а отношение говорящего человека к элементам своего лексикона, способ существования элементов в его сознании. Это хорошо видно при обсуждении соотношения категорий паронимии и таронимии» [Там же. С. 87]. Поскольку таронимы являются достоянием сознания человека, то их опознание возможно только в результате наблюдения за характером речевого поведения говорящего, в отличие от синонимов, антонимов, архаизмов, жаргонизмов и других единиц лексической системы, которые выявляются с помощью анализа готовых текстов, в отвлечении от субъекта речи.

Как известно, таронимичность слов и фразеологизмов – одна из основных причин многочисленных нарушений лексиче-

ских и фразеологических норм в письменной и устной речи. Смешение языковых единиц наблюдается не только в речи людей, не обладающих достаточной степенью языковой компетенции, но и вполне грамотных, в ситуации как неподготовленного спонтанного общения, так и заранее планируемого, при формальной и неформальной коммуникации, это демонстрируют ошибки в текстах СМИ (*Если вы хотите окунуться в жития российских звезд* (вместо *в жизни*), *смотрите нашу программу* – анонс на МузТВ), в рекламе (*Мягкая как перышко!* (о туалетной бумаге «Zewa») – противоречащая здравому смыслу контаминация *легкий как перышко* и *мягкий как пух*), в сочинениях абитуриентов (*Герой статьи, имя которого покрыто занавесой* (вместо *завесой*) *тайны, теряет голову и начинает хулиганить* – ЕГЭ 2007), репликах журналистов (*Он – врожденный* (вместо *прирожденный*) *рыбак* – «Вести», репортаж), политиков (*Мыльные оперы просто пудрят людям головы* (вместо *пудрят мозги*) – НТВ, один из участников программы «К барьеру»), чиновников (*Речь идет о глумеже* (вместо *глумлении*) *над национальными ценностями* (о фильме «Код да Винчи») – чиновник из Министерства

культуры), преподавателей (*Терновый* (вместо *тернистый*) путь к науке не каждый сможет пройти – из лекции) и т. д.

Таронимы (от греч. 'путаю, привожу в замешательство') определены авторами указанной монографии как составные единицы лексической системы, представляющие собой «совокупность лексических и фразеологических единиц, которые устойчиво смешиваются при производстве и / или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности» [Морковкин, Морковкина, 1997. С. 85]. Из этого определения следуют, как минимум, два вывода. Во-первых, основными признаками таронимов являются: 1) принадлежность к лексическим или фразеологическим единицам; 2) способность к смешению в речи; 3) устойчивость такого смешения; 4) условия производства / восприятия речи; 5) наличие формальной, семантической или тематической смежности данных единиц. Во-вторых, налицо некоторое противоречие: В. В. Морковкин и А. В. Морковкина, встраивая таронимы в систему лексических единиц на уровне «язык-система», в то же время придают им статус особых – антропоцентрических, а это относится к «языку-способности» и «языку-тексту». Однако следует отметить, что понятие *таронимии* фактически было только заявлено, детально не разработано: в монографии ему отведен всего один абзац.

Нельзя сказать, что смешение языковых единиц является новой исследовательской проблемой. Оно традиционно рассматривается в культуре речи, ортологии, в которых интерпретируется как нарушение точности высказывания. Большинство лингвистов определяют смешение единиц как речевую ошибку с большей или меньшей степенью строгости. Исследователи по-разному интерпретируют понятие ошибочного смешения языковых единиц. Например, речевые ошибки, связанные со смешением единиц, лингвисты квалифицируют следующим образом: «ошибочная замена» (О. В. Кукушкина), «подмена слов» (Б. С. Мучник), «замещение одной единицы другой» (Д. Т. Сыдыкбекова), «взаимозаменяемость / взаимозамена» (Т. В. Веракша, Л. П. Демиденко), «неудачный выбор языковой единицы» (Л. П. Демиденко, О. В. Кукушкина), «нивелирование различий» (С. Н. Цейтлин), «ошибки по типу субституции» (Д. Т. Сы-

дыкбекова), *semantic group slips* (замена нужного слова близким по значению).

Однако таронимию нельзя объяснить только неправильным выбором языкового средства. «За неудачным речевым воплощением часто стоит неудачная мысль» [Кукушкина, 1998. С. 2]. Поэтому любая попытка ограничиться чисто формальным подходом делает объяснение явления таронимии совершенно недостаточным. Процесс порождения текста – это речемыслительный, а не чисто языковой процесс, это особый вид деятельности.

Данная статья представляет собой попытку рассмотрения явления таронимии в его взаимодействии с процессами поиска и извлечения информации из внутреннего лексикона носителя языка. Здесь уместно привести слова А. А. Залевской о том, что проблема различного рода нарушений, а таронимия характеризуется именно как явление *ошибочного смешения слов*, тесно «увязывается с выявлением механизмов речемыслительной деятельности, моделированием процессов идентификации слов при их восприятии и поиска слов при говорении» [Залевская, 1999. С. 307]. Такой аспект исследования таронимии мы считаем вполне логичным, поскольку он служит развитием идеи В. В. Морковкина и А. В. Морковкиной о том, что антропоцентрические единицы, в том числе и таронимы, являются достоянием сознания человека, следовательно, причины ошибочного смешения нужно искать в действии речемыслительных механизмов.

Процесс речепорождения и речевосприятия всегда представлял большой интерес для лингвистов (работы А. А. Залевской, Н. А. Алмаева, Т. В. Веракши, О. В. Вессарта, С. И. Гороховой, Ю. В. Красикова, О. В. Кукушкиной, Д. Т. Сыдыкбековой и др.). В теории речевой деятельности, в частности, в исследованиях Н. И. Жинкина, А. А. Леонтьева, Т. В. Рябовой, представлены три этапа порождения речи: ориентировка в ситуации общения, а также планирование высказывания во внутренней речи на смысловом коде; этап реализации плана во внешней речи; коррекция полученного результата в новом высказывании. При изучении речепорождения исследователи часто опираются на схему И. А. Зимней, в которой механизмы речепроизводства соотносятся с выделяемыми фазами речевой деятельности: мотивацион-

но-побудительной, ориентировочно-исследовательской и исполнительной [Зимняя, 1991]. Концепция О. В. Кукушкиной несколько отличается от схемы речепорождения И. А. Зимней. В качестве первого этапа О. В. Кукушкина считает необходимым выделить осмысление объекта и порождение смысла [Кукушкина, 1998. С. 16]. Два последующих этапа аналогичны вышеназванным. Для решения задач нашего исследования явления таронимии мы воспользуемся следующей схемой: 1) возникновение мотива высказывания; 2) осмысление ситуации, планирование высказывания во внутренней речи; 3) выбор адекватных интенциям говорящего языковых единиц; 4) реализация языковых единиц во внешней речи. В процессе построения высказывания говорящий может столкнуться с трудностями еще на этапе осмысления (когда в осмысляемом объекте выделяется «предмет», ему приписывается «признак», между «предметом» и «признаком» устанавливается логическая связь, а затем осуществляется категоризация смысла), в случае, если осмысляемый объект обладает определенной степенью сложности для человека или в ходе коммуникации, существует необходимость учета интересов адресата. При переводе когнитивных смыслов на языковое кодирование причиной нарушений языковых норм становятся сложность кодируемого смысла, сложность кода и ограниченные возможности оперативной памяти человека [Там же].

Неточный выбор языковых единиц для передачи вполне правильного смысла, квалифицируемый как речевое нарушение, возникает в том случае, когда две языковые единицы достаточно близки по форме или по значению, находятся в языковой системе в отношениях вариантности, конкуренции в речи и, таким образом, могут вступать в языковом сознании в отношения внутренней интерференции, что мы и наблюдаем при таронимии. Нарушения на этапе осмысления появляются, если единицы не имеют общей зоны нейтрализации. Так или иначе, оба типа нарушений внешне проявляются одинаково – как неудачный выбор языковых единиц [Там же]. Данный вид речевой деятельности требует определенных знаний о языковых единицах. О. В. Кукушкина считает, что к такого рода знаниям можно отнести знания о месте языковой единицы

в системе, т. е. набор ее потенциально возможных значений («системная, языковая компетенция»); знания о том, какие именно значения и в каких контекстах реализуются («речевая компетенция»); представление той коммуникативной ситуации, где уместно использование данной единицы («прагматическая компетенция»); представление о том, какие еще единицы могут выступать в сходном значении и ситуации и чем они отличаются от данной («риторическая компетенция») [Там же. С. 42].

С. И. Горохова предложила рассматривать порождение речи (внутреннего оформления высказывания) как процесс актуализации и заполнения сложной системы фреймов, где фрейм – структурированная информация, определяющая ряд однородных объектов [Горохова, 1988. С. 5]. Поиск слов осуществляется путем «перебора» семантических и звуковых признаков единиц внутреннего лексикона. К параметрам поиска слов в лексиконе С. И. Горохова относит: звуковые (место ударного слога, число слогов, звуковое начало / звуковой конец) и семантические (родовидовые связи, актуальная сема) [Там же. С. 14]. При этом заполняются два фрейма фонологического и семантического слова. Возможно, совпадение слов во внутренней речи по какому-нибудь из параметров и может привести к актуализации неуместной в определенном высказывании единицы, в нашем случае – таронима.

В отличие от С. И. Гороховой, Ю. В. Красиков считает, что большое значение имеют семантические признаки, связи единиц в лексиконе. По мнению исследователей (О. В. Кукушкина, Б. Ю. Норман, Д. Т. Сыдыкбекова), при поиске слов более значимой является частотность. Более «знакомый», вероятный для субъекта вариант «всплывает» в сознании первым, «подавляет» менее частотный, причем подобные приоритеты формируются еще в процессе овладения языком, например: *Даже патриарх Иоаким, бывший **представитель** за царя Василия Васильевича...* (вместо *предстатель*). Близость единиц лексикона, обусловленная особенностями системы русского языка, может привести к их интерференции во внутренней речи и ошибочной замене во внешней речи. Все вышесказанное, на наш взгляд, позволяет выделить психолингвистическую состав-

ляющую явления таронимии в качестве базовой для понимания его сути.

Другим не менее важным вопросом мы считаем определение круга таронимических единиц. Вернемся к предложенному В. В. Морковкиным и А. В. Морковкиной пониманию таронимов. Авторы называют таронимы «составными единицами лексической системы» – это «такие лексические объединения, элементы которых связаны между собой отношениями сходства (вплоть до совпадения), противоположности, формально-семантической преемственности (порождения) или иерархии» [Морковкин, Морковкина, 1997. С. 81]. К составным единицам они относят синонимические ряды, антонимические, омонимические и паронимические пары, эпидигматические и словообразовательные гнезда, на периферии этой категории располагают гиперо-гипонимические пары, лексико-семантические поля, тематические группы и др. Из определения следует, что, во-первых, все перечисленные единицы могут быть таронимами, во-вторых, релевантными признаками таронимических единиц являются:

– структурный: тароним состоит из двух и более лексических или фразеологических единиц, например: *От ваших слов у меня волосы стынут в жилах* (вместо *волосы встают дыбом* или *кровь стынет в жилах*);

– морфологический: такая пара или цепочка включает языковые единицы одной части речи, которые обладают некоторым сходством грамматических категорий, например: *Кольцо, которое ты одеваешь, совсем не подходит к платью* (вместо *надеваешь*);

– синтаксический: для таронимов характерна одинаковая синтаксическая валентность, синтаксическая функция в предложении; для фразеологизмов, устойчивых словосочетаний – сходство синтаксических связей, например: *Я выбивался из кожи, но у меня так ничего и не получилось* (вместо *лез из кожи* или *выбивался из сил*);

– формальный: звуковое сходство таронимов, например: *Наверное, вы догадались, что обозначает эта полоса!!! Это наша середина! Меридиана!* (вместо *медиана*);

– семантический: сходство лексических значений таронимов или их принадлежность к одной тематической группе, например: *Грибоедов изобразил в комедии разложение* (вместо *расслоение*) *дворянского класса на два лагеря*.

Формальный и семантический признаки будем считать для таронимов альтернативными, т. е. не всегда наличие и того, и другого обязательно. Но именно эти свойства делают возможным существование главного признака данных единиц – функционального: способность единиц смешиваться в речи.

В. В. Морковкин и А. В. Морковкина совершенно справедливо отмечают, что основной корпус таронимов составляют паронимы. Это утверждение, кстати, дало основание считать сомнительным выделение термина *тароним* как такового, поскольку, во-первых, «он явно паронимичен (ср. пароним – тароним)», во-вторых, термин *тароним* дублирует *пароним* [Куликова, Салмина, 2002. С. 117]. Однако далеко не все паронимы реально смешиваются в речи: «а те и только те, разграничение которых сопряжено для носителей языка с действительными трудностями» [Морковкин, Морковкина, 1997. С. 86]. И – что мы считаем особенно важным – способностью регулярно смешиваться в речи обладают не только паронимы. «Кроме паронимов, к числу таронимов относятся единицы, которые конкурируют в сознании носителей языка в результате содержательной смежности (ср. *анишлаг – заголовок, вернисаж – выставка, дата – число, отпетый – завзятый* ... и др.)» [Там же]. Другими словами, таронимы должны обладать признаком «устойчивого смешения». Подробное рассмотрение круга таронимических единиц и особенностей приобретения ими признака таронимичности не входит в задачи данной статьи. Однако проведенный анализ таронимических нарушений (результаты анкетирования студентов разных курсов и специальностей), а также данных, полученных в ходе проверки Единого государственного экзамена (часть С) разных лет, записей устной речи позволил нам построить классификацию таронимов [Мандрикова, 2007].

Всю совокупность таронимических единиц можно представить в виде полевой структуры. Как уже было сказано, к ядру поля таронимии мы относим единицы, последовательно проявляющие признаки таронимов, а именно функциональный, структурный, морфологический, синтаксический, формальный и семантический, – паронимы и парофоны (*Давай встретимся в поликлинике в восемь часов возле регистрации* (вместо *регистратуры*)). На периферии по-

ля будут располагаться единицы, смешения которых недостаточно частотны. К их числу мы относим синонимы (*Это юное поколение хорошо тренированных, **искушенных*** (вместо **опытных**) горнолыжниц), антонимы (*Безусловно, нужно найти такой **дисбаланс*** (вместо **баланс**), *чтобы и доллар и евро были сопоставимы*), слова одной лексико-семантической группы (*Серебряным **лауреатом*** (вместо **призером**) *стал футбольный клуб из Самары*), тематической группы (*Сегодня удалось обнаружить **гнездовье*** (вместо **гнездо**) *продавцов нелегального спирта*), семантического поля (*Женщины! Что с них взять – **фантастики-то*** (вместо **фантазии**) *ноль!*), фразеологизмы (*Это не значит, что в свободное время человек будет **бить балду*** (вместо **бить баклуши** или **пинать балду**) и сходные синтаксические конструкции (*Врач-психолог снимал у хоккеистов **усталость, волнение, внушал уверенность в собственные силы*** (вместо **вера во что** и **уверенность в чем**)).

Итак, психолингвистический аспект изучения феномена таронимии мы считаем перспективным, поскольку он позволяет объяснить причины возникновения свойства таронимичности у лексических и фразеологических единиц, найти ключ к решению целого комплекса исследовательских задач и прояснить различные проблемы, в том числе и ортологические, что, в свою очередь, даст возможность в дальнейшем выра-

ботать необходимые практические рекомендации по устранению таронимических нарушений в речи носителей языка.

Список литературы

Горохова С. И. Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М., 1991.

Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб., 2002.

Мандрикова Г. М. Таронимия как объект лингвистического описания // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г.): Тр. и материалы. М., 2007. С. 133.

Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

Материал поступил в редколлегию 07.02.2008